

УДК 821.161.1.09"18"

Т. В. Николаева

*Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. С. К. Тимошенко
(г. Кострома)
tanyusha81@yandex.ru*

«ЗЕМНОЕ» И «ВОЗВЫШЕННОЕ» В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В статье анализируются стихотворения Тютчева, выявляются основные мотивы любовной лирики и делается вывод о гармоническом единстве земного и возвышенного в лирике поэта.

Ключевые слова: земное, возвышенное, любовь, поэзия, противостояние.

T. V. Nikolayeva

*Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence
(City of Kostroma)
tanyusha81@yandex.ru*

THE SPIRIT AND THE FLESH IN FYODOR TYUTCHEV'S ROMANTIC LYRICS

The abstract deals with the analysis of Fyodor Tyutchev's poems. It also touches upon main motifs of amorous lyricism and comes to the conclusion about harmonic unity of mundane and lofty in Fyodor Tyutchev's poetry.

Keywords: mundane, lofty, love, confrontation.

Любовная лирика не занимает в творчестве Ф. И. Тютчева значительного места. Считая себя в большей степени дипломатом, и, в целом, не относясь к своим стихам серьезно, Тютчев наиболее ярко выразил в поэзии свои историософские взгляды. Между тем, удивительная способность тютчевских строчек глубоко воздействовать на сердце человека, порой, восхищает и удивляет неискушенного читателя. Это не похоже ни на гармонию, легкость пушкинского стиха, ни на психологичность лермонтовских стихотворений, ни на задушевность, красоту любовной лирики С. А. Есенина. Это необъяснимое сосуществование ума и сердца, «возвышенного» и «земного».

Как известно, в русской и лучших образцах зарубежной литературы герой часто «проверялся» чувством любви. Любовь, способность к любви – это лакмусовая бумага, которая помогает понять сущность человека.

Не исключением является и любовная лирика Ф. И. Тютчева, обладающая уникальным качеством: постепенным сокращением формы стиха и одновременным углублением ее содержания. Именно это качество позволяет назвать все творчество Тютчева, в том числе, и его любовные стихи, философской поэзией.

Актуальность выбранной темы объясняется тем, что проникновение в тайну любовной лирики поэта помогает не только глубже постичь художественную манеру поэта, но и показывает еще одну интересную грань его личности.

Цель данной статьи – выявить своеобразие любовной лирики Ф. И. Тютчева.

Для конкретизации поставленной цели, выдвинем ряд задач:

1. Сопоставить «земное» и «возвышенное» в любовной лирике Ф. И. Тютчева.
2. Проанализировать стихи каждой группы, выявить их особенности.
3. Сделать выводы.

В целом, любовная лирика Тютчева отличается глубокой противоречивостью, «раздвоенностью», автор постоянно упоминает о «двойной бездне»: о бездонном небе, отраженном в мире, тоже бездонном, о бесконечности вверху и бесконечности внизу. Жгучесть, противоречивость поэтического мировоззрения 1830-х – 1850-х годов и необыкновенная, просветленная одухотворенность любовной лирики 1860-х – 1870-х гг. связана не столько с взрослением самого поэта, приобретением им определенного опыта, сколько с изменением самого переживания чувства любви, что позволяет условно разделить всю любовную лирику Тют-

чева на две части: стихи «земные», воспевающие в большей степени чувственную любовь, и «возвышенные», обладающие философско-религиозным содержанием.

Обратимся непосредственно к стихотворениям каждого периода и проанализируем их.

Самой давней любовью поэта была незабвенная Амалия фон Лерхенфельд. Именно ей Тютчев посвятил два наиболее известных стихотворения: «Я помню время золотое» 1834–1836 гг. и «К. Б.» («Я встретил вас – и все былое») 1870 г.

Внимательно вчитываясь в строчки первого стихотворения, мы видим яркую картину первого свидания. Прописаны мельчайшие детали:

И на холму, там, где, белея,
 Руина замка вдаль глядит,
 Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит, –

Ногой младенческой касаясь
 Обломков груди вековой;
 И солнце медлило, прощаясь
 С холмом, и замком, и тобой.
 И ветер тихий мимолетом
 Твоей одеждою играл
 И с диких яблонь цвет за цветом
 На плечи юные свевал... (1, 16).

Поэт с живописной точностью прописывает структуру предметов (*На мшистый опершись гранит*), возраст предметов и лиц (*руина замка, фея младая, плечи юные, обломки груди вековой*), удивительно ярко передает действия (*ногой касаясь солнце медлило, прощаясь; ветер играл... свевал*) Создается впечатление «осязаемости», тактильной близости описанных предметов, действий. Само чувство любви не выходит из рамок своего «земного существования». Лирический герой наслаждается самим существованием возлюбленной.

Это же настроение, хотя уже с нотками «возвышенности» мы находим и в стихотворениях, посвященных первой жене Тютчева – Элеоноре Федоровне Тютчевой:

Еще томлюсь тоской желаний,
 Еще стремлюсь к тебе душой –
 И в сумраке воспоминаний
 Еще ловлю я образ твой ...
 Твой милый образ, незабвенный,
 Он предо мной везде, всегда,
 Недостижимый, неизменный,
 Как ночью на небе звезда... (1, 21).

1858 г.

Любовь – это наслаждение, упоение, лирический герой *томится тоской желаний*, вновь и вновь вызывая в своем воображении *милый образ*. Но здесь интересно обратить внимание на прилагательные, которые использует поэт: *незабвенный, недостижимый, неизменный (образ)*. Шаг за шагом идет постепенное усиление качества называемого признака, таким образом, само описываемое чувство «отрывается» от земли. Осязаемость, чувственность звучат еще очень сильно, но сквозь них уже прорывается голос поздней лирики Тютчева, для которой характерна чистота и глубина духовного начала.

Изменение «качества» любовной лирики происходит в конце 1850-х – 1870-е годы, в стихах, посвященных Елене Денисьевой и второй жене Эрнестине Федоровне Тютчевой. На наш взгляд, именно эти две женщины (ни в коем случае не умаляя значения в жизни Тютчева всех остальных) оказали наиболее сильное влияние именно на творческую судьбу поэта. Ранние стихи, посвященные Эрнестине Федоровне, безусловно, относятся к «земным». Сам

поэт называл свою вторую жену «земным провидением» («Люблю глаза твои, мой друг» 1836 г., «Итальянская villa» 1837), но пройдя сквозь «горнило испытаний», раздвоенность, жгучесть, поэзия Тютчева приобретает чистоту серебряного звона, превращаясь в философско-религиозное переживание Любви.

Такое изменение произошло благодаря встрече Тютчева с Еленой Денисьевой. Елена Денисьева была младше Тютчева на 23 года. Чувство, заставшее в буквальном смысле врасплох обоих, сначала вызывает бурю эмоций («О, как убийственно мы любим!»), но постепенно звучит все более аргумент тонко, удивительно нежно:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
...
Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность (2, 54).

Как видим, акцент в данном стихотворении уже не на чувственности, а на духовной составляющей Любви. И хотя в конце лирический герой говорит: «*О ты, последняя любовь / Ты и блаженство и безнадежность*», самое главное – *В сердце не скудеет нежность*.

Безвременная кончина возлюбленной подняла любовную лирику Тютчева на практически недостижимые высоты божественного звучания. В стихотворении «Накануне 4 августа 1864 года» явно и отчетливо прослеживаются исихастские мотивы.

«С твоим исчезновением моя жизнь лишается всякой последовательности, всякой связности ... Нет на свете существа умнее тебя. Сейчас я слишком хорошо это сознаю ... Ты ... самое лучшее из всего, что известно мне в мире ...» (3, 43). Это – выдержки из тютчевских писем к Эрнестине; писем того периода, когда он уже был связан с Еленой Денисьевой.

Эрнестина Федоровна – удивительная женщина, обладающая необыкновенно сильным внутренним стержнем, помогшим ей пережить и, самое главное (!), принять многие увлечения мужа. Одна из любовниц Тютчева Гортензия Лапп в течение двадцати лет по инициативе Эрнестины получала пенсию. После смерти Денисьевой она приняла плачущего и разбитого горем Тютчева. Высота ее души была поразительной! «Его скорбь, – говорила она, – для меня священна. Какова бы ни была ее причина».

Последние годы она была возле мужа. Когда его постиг аполексический удар, Эрнестина не отходила от постели. Она считала: «Если бы даже он совершил страшнейшие злодеяния, они уж были искуплены переживаемыми муками» (3, 62). И вконец своей жизни Тютчев посвящает своей жене следующие строки:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон...
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я ему еще молиться мог (2, 57).

Понимание драгоценности Божьего дара в лице Эрнестины приходит с осознанием собственной греховности. Тютчев перечисляет самые ценные земные радости: здоровье. Человек, лишенный здоровья, практически не может думать ни о чем, боль приносит страдания. Остается сила воли, с помощью которой он может взять себя руки, преодолеть страдание, но и это отнято. Воздух. Это жизнь. Здесь имеется в виду не само физическое явление, а, скорее, ощущение тяжести существования (человек без воздуха не может жить). Сон. Это последнее утешение, когда можно забыть про все и просто отдохнуть от боли, тяжести, страданий. Но Бог «казнящий» и поэтому отнимает все. И вдруг: «Одну тебя при мне оставил Он / Чтоб я ему

еще молиться мог». Что это? Бог не казнит, а оставляет самое главное – молитву, которая есть жизнь души. Земное преодолевается возвышенным, заставляя стряхнуть до конца остатки чувственности, тленности в ощущении Любви, которая «Не превозносится, не гордится, не ищет своего, а все преодолевает.» Такой оказалась любовь Эрнестины Федоровны и поэт понял это.

Литература

1. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М., 2005.
2. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. М., 2005.
3. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. М., 2005.

УДК 821.161.1.09"18"

В. В. Тихомиров

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
vtihom@mail.ru

Ю. Ф. САМАРИН – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Критические суждения Ю. Ф. Самарина характерны сочетанием верности славянофильской идее, тонкого эстетического чутья, понимания специфики литературного творчества. Убедительны его суждения о своеобразии художественного мастерства и авторской позиции Н. В. Гоголя, противостоящие социальной и натуралистической интерпретации его творчества В. Г. Белинским.

Ключевые слова: Ю. Ф. Самарин, славянофильская критика, творчество Гоголя, натуральная школа.

V. V. Tikhomirov

Nekrasov Kostroma State University
vtihom@mail.ru

YURI SAMARIN – LITERARY CRITIC

Critical judgements of Yuri Samarin are characteristic a fidelity combination to Slavophile idea, fine esthetic feeling, understanding of specifics of literary creative work. His judgements of an originality of art skill and an author's position of Nikolai Gogol resisting to social and naturalistic interpretation of his creativity by Vissarion Belinsky are convincing.

Keywords: Slavophile criticism, Nikolai Gogol's creative work, natural school.

Литературно-критическое наследие Ю. Ф. Самарина невелико, однако в рамках славянофильской критики его позиция заметна, она отличалась конкретными оценками литературных явлений, в которых критик проявил эстетическое чутьё и верность своей идеологии. Известны две основательные критические статьи Самарина: рецензия на повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» («Московский сборник», 1846 г.) и полемическая статья «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» («Москвитянин», 1847, № 2). Сохранилось также интересное письмо Самарина К.С. Аксакову, написанное в 1843 г. по поводу статьи последнего о «Мёртвых душах» Гоголя (опубликовано в журнале «Русская старина», 1890 г., № 2). На основании этих трёх публикаций попытаемся выстроить систему литературно-критических взглядов Ю. Ф. Самарина.

В письме К. С. Аксакову Самарин высказывает полное согласие с его оценкой «Мёртвых душ»: «<...> ты сказал о «Мёртвых душах» всё, что можно и что должно было сказать, представив характер созерцания Гоголя, акта творчества, и устранив вопрос о содержании <...>... о содержании поэмы пока ещё говорить нельзя, оттого что мы имеем перед собою только начало» (3, 421). Итак, в центре внимания автора письма, как и К. Аксакова, творческий метод Гоголя, своего рода философия искусства, особенность которого в умении «изображать всё в немногом» (3, 422). В этом «заключается тайна творчества и выше её нет ничего в искусстве. Гоголь изображает, и каждое его лицо истинно, живо и полно, как образ» (3, 423).

Самарин не удовлетворён статьёй С. П. Шевырёва о «Мёртвых душах» («Москвитянин», 1842, № 7–8), в которой основное внимание было уделено характеристике содержания поэмы